

УДК 398

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-193-198

Круглый стол «Легенда о “диком (снежном) человеке”»

Маргарита Г. Белодедова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, belmargam@yandex.ru*

Дата поступления статьи: 16 мая 2025 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Белодедова М.Г. Круглый стол «Легенда о “диком (снежном) человеке”» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 193–198. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-193-198

Round table “The Legend of the wild (snow) man”

Margarita G. Belodedova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, belmargam@yandex.ru*

Received: May 16, 2025

Date of publication: December 26, 2025

*For citation: Belodedova, M.G. (2025), “Round table ‘The Legend of the wild (snow) man’”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 193–198, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-193-198*

11 декабря 2024 г. в Центре типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета прошел круглый стол «Дикий (снежный) человек: происхождение,

региональные версии, контексты массовой культуры». Часть представленных докладов была подготовлена участниками научного коллектива, занимающегося исследованием существующего в фольклорных традициях по всему миру персонажа.

Конференцию открыл доклад С.Ю. Неклюдова (РГГУ, РАНХиГС, Москва) «Кластеризация гетерогенных текстов, имеющих значительные дискурсивные различия (модусные, функциональные, жанровые, культурно-языковые)», посвященный методу рассмотрения разнородных по ряду параметров текстов. В докладе была представлена методологическая основа для компаративного изучения и сопоставления между собой текстов, сильно различающихся как в культурно-языковом, так и в структурном плане. На материале нарративов о «диком человеке» («диких людях») разных традиций С.Ю. Неклюдов предложил классификацию источников, на основе которой их можно сгруппировать по следующим кластерам: 1) фольклорные записи; 2) записи участников экспедиций и путешественников; 3) научные обобщения разных материалов; 4) документальная литература XIX–XX вв. и примыкающие к ней жанры; 5) письменные памятники древности, Средневековья, раннего Нового времени; 6) тексты на изображениях; 7) изображения; 8) ритуальные, церемониальные, игровые практики. Каждый кластер С.Ю. Неклюдов предложил отнести к одной из двух групп: 1) тексты, которые прямо свидетельствуют о традиции, и 2) тексты, которые сами составляют традицию. К первой группе С.Ю. Неклюдов отнес кластеры 1–4, а ко второй – кластеры 5–8. Классификация позволяет применить критерий «достоверность – нестрогая достоверность – вымысел», разработанный Е.М. Мелетинским, к группе текстов, прямо свидетельствующих о традиции.

С исследованием проблемы «дикого человека» на кавказском материале выступила М.М. Кузнецова (РГГУ, Москва). В докладе «Доминантный тип кавказского дикого человека и его место в многообразии локальных образов» исследовательница проследила типы «дикого человека» у разных народов¹ региона и на их основе выделила общий для всех образ этого персонажа. В своей работе М.М. Кузнецова опиралась на 70 текстов традиции из уже опубликованных источников и на разработанную научным

¹ Исследовательница работала с текстами дагестанской (реконстр.), кабардинской, балкарской, карачаевской, талышской, абхазской, азербайджанской, чеченской, ингушской, кумыкской, грузинской, аварской, осетинской, адыгейской, адыгской (реконстр.), абазинской и ногайской традиций.

коллективом² методологию выделения общего регионального образа персонажа – с опорой на такие критерии, как описанные в текстах рост персонажа, наличие одежды и шерсти, покрывающей тело, мужской или женский пол, предполагаемая среда обитания, владение / невладение человеческой речью и проч. На основе проведенного исследования наиболее яркой характеристикой «дикого человека» Кавказа, отличающей его от схожих персонажей других традиций, исследовательница называет «топорогрудость», наличие торчащего из его груди острого лезвия или костяного выступа.

Рассматривать образы «дикого человека» конкретного региона продолжил Р.Ф. Пятаев (РГГУ, ИМЛИ, Москва), обратившийся к памирской традиции. В докладе «Памирская специфика дикого человека» он остановился на истории обсуждения проблемы «дикого человека» в СССР, на работе В.Б. Поршнева и возглавляемой им комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». С участием комиссии в 1958 г. подготавливалась и проводилась экспедиция на Восточный Памир, в которой были записаны нарративы о «диком человеке» у представителей разных народов, чьи поселения находились по маршруту следования экспедиции, стартовавшей в г. Ош (Киргизия). На основе исследованных памирских материалов Комиссии Р.Ф. Пятаев выделил ряд основных тем легенды о «диком человеке», к которым отнес следующие: встреча с «диким человеком»; обнаружение следов его присутствия; происхождение дикого человека. При этом докладчик отметил, что две первые темы оказались в данном регионе доминирующими в нарративах о «диком человеке».

Образ «дикого человека» на материале восточноазиатской традиции рассмотрела А.В. Аданькина (РГГУ, Москва). В докладе «Попытка типологизации китайского «дикого человека» исследовательница обозначила три основных для региона типа данного персонажа: человекоподобное животное; одичавший человек; волосатая дева. Доминирующим в регионе среди названных типов А.В. Аданькина признает первый – его образ, хоть и имеющий звероподобные черты, отличается подчеркнутой антропоморфностью (в частности, персонаж умеет разговаривать, что отличает его от образов «диких людей» в других традициях). Основное (и часто единственное) различие типов «человекоподобное животное» и «одичавший человек» заключается в происхождении этих существ: за типом «одичавшего человека» признается изначально

² Научный коллектив, занимающийся фольклорными нарративами о «диком» человеке, выделил ряд базовых для этого персонажа характеристик, в разной степени проявляющихся в разных традициях.

человеческая природа. Наиболее демоноподобным из выделенных типов является «волосатая дева», которая, убежав от людей в лес и питаясь сосновыми иглами, обрастает волосами и обретает сверхчеловеческие силы, такие как долголетие и возможность быстро перемещаться. Исследовательница особо отметила, что этот сюжет нетипичен для китайской традиции, но подобный образ «дикого человека» распространен в других регионах, в частности в ближневосточном.

Выступление *М.Г. Белодедовой* (РГГУ, Москва) было посвящено образу «дикого человека» в ненецкой фольклорной традиции, основанное на собственных полевых материалах, записанных в г. Салехард и с. Яр-Сале Ямalo-Ненецкого автономного округа в декабре 2024 г. В докладе «Ненецкий «снежный человек»: экспедиционные заметки» исследовательница рассказала, что к образу «дикого человека» ненецкая традиция предположительно относит трех персонажей фольклора: *нгая тара*, *тунго* и «снежного человека», причем последний из них может выступать как в качестве перевода на русский язык наименования одного из ненецких фольклорных персонажей, так и в качестве самостоятельного персонажа. По предварительным данным, у *нгая тара* и «снежного человека» прослеживаются черты значительного сходства, тогда как *тунго* оказывается персонажем скорее фольклора, чем актуальной мифологии. В быличках о встрече в тундре с *нгая таром* или «снежным человеком», записанных в ходе исследования, выделяется мотив сумасшествия или тяжелой болезни человека, повстречавшего его, вообще характерный для образа «дикого человека», в том числе в сибирских традициях. В рамках исследования были выявлены и другие мотивы, часто встречающиеся в нарративах о «диком человеке» в разных регионах: в частности, мотив «похищения девушки диким человеком» и «пленение дикого человека» – в рассмотренной региональной традиции оба эти мотива оказались связаны с *тунго*.

Д.В. Громов (ЦИМО ИЭА РАН, Москва) также посвятил выступление анализу собственных полевых материалов. В докладе «Рассказы о лесных людях в Курганской области» он представил рассказы и мифологические нарративы, записанные в Белозерском и Шумихинском районах Курганской области и в Каргопольском районе Архангельской области в 2000 г., а также в Кологривском районе Костромской области в 2013 г. Нарративы, записанные в Каргопольском районе Архангельской области, по данным *Д.В. Громова*, довольно точно повторяют газетные публикации, посвященные появлению «снежных людей», якобы произошедшему там в 1990-е гг. Рассказы же, записанные в Кологривском районе Костромской области, исследователь охарактеризовал как

связанные больше с брендированием территории и привлечением туристов, чем с местной фольклорной традицией. Записи, сделанные в Курганской области, оказались, по мнению исследователя, в большей степени сопоставимы с описанием «диких людей» других традиций. Это прослеживается как по сюжетам и мотивам, которые появляются и в фольклорных текстах разных традиций (таким, как похищение персонажем девушки и появление у них потомства; встреча с «диким человеком» и следование за ним к его жилищу; запрет охоты на дикого человека и т. д.), так и по описанию самого персонажа, который в традиции связывается с образами «лешего» и «лешающих».

Тему исследования образа «дикого человека» в восточнославянской традиции продолжил *В.А. Воробьев* (РГГУ, НИУ ВШЭ, Москва). В докладе «“Дикий (снежный) человек” у восточных славян: перекрестки повествовательных традиций» рассматривалась проблема взаимовлияния разных повествовательных традиций: литературные произведения, тексты СМИ, мифологические нарративы и сказки. В восточнославянском материале пересекаются традиции не только повествовательные, но и региональные (докладчик отметил такие случаи на пограничьях украинско-польском, кавказско-русском, белорусско-польском и в Подляссе). Этнокультурное пограничье оказывается важным для формирования образа персонажа, а представления о «диких людях» оказываются связаны с этническими стереотипами. В дополнение к своему обзору исследователь рассмотрел фольклорных персонажей разных регионов, соотносимых с образом «дикого человека», обсудив их возможный генезис и влияние на них, с одной стороны, соседних традиций, а с другой – публикаций в СМИ и социальных сетях.

Конференцию завершило выступление *Н.В. Петрова* (РАНХиГС, РГГУ, Москва) с докладом «“Снежный человек” в русскоязычном сегменте соцмедиа». По материалам социальных сетей и мессенджеров (Вконтакте, Youtube, Telegram) исследователь проанализировал, какие темы пользователи связывают с представлениями о «снежном человеке». Данные социальных сетей и мессенджеров собирались с помощью «Медиалогии», позволяющей в архивированном массиве текстовых данных (постов, расшифровок, описаний и комментариев) производить поиск по выбранным ключевым словам, причем Н.В. Петров работал с наиболее актуальными данными – архивом последних пяти месяцев, предшествующих докладу (объем архива составляет 3500 сообщений). По этим данным, комментарии и посты о «снежном человеке» в названных соцсетях пишут в основном холостые мужчины возрастной группы 40–59 лет, имеющие

высшее образование. Наибольшее количество сообщений и постов на данную тему оказывается в соцсети ВКонтакте, ей уступает Youtube, за которым идет мессенджер Telegram; при этом вне зависимости от площадки чаще всего сообщения окрашены негативно. Н.В. Петров выделил ряд тематических групп, к которым можно отнести сообщения о «снежном человеке»: «юмор», «путешествия», «знакомство», «общение». Любопытно, что для пользователей русскоязычного сегмента соцмедиа референция к снежному человеку оказалась маркером больных тем: в рамках выражения недовольства используется конструкция «легче встретить снежного человека, чем...» (например, «ни разу не попасть на пьянку», «человека, который признает, что он чего-то не знает», «чиновника, живущего на одну зарплату», «дозвониться до данной структуры» и проч.). Проанализировав собранные данные, исследователь обозначил следующую классификацию фреймов референции к «снежному человеку» у пользователей исследованных соцсетей: свидетельские показания о встрече со «снежным человеком»; поиски следов; поиск редкого; сексуализированное насилие; уродливость и / или маргинальность (сравнение со «снежным человеком»).

Тезисы конференции размещены на сайте Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ.

Благодарности

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01119, <https://rscf.ru/project/24-18-01119/>

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Fund, project № 24-18-01119, <https://rscf.ru/project/24-18-01119/>

Информация об авторе

Маргарита Г. Белодедова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; belmargam@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-7184-6422

Information about the author

Margarita G. Belodedova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; belmargam@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-7184-6422